

Имперская политика рассматривалась как творческое объединение племён и народов в единый организм при сохранении их самобытности. Империализм же виделся ничем не оправданным стремлением государства расширить территорию путём захвата чужих земель и навязыванием покорённым народам «железом» и «кровью» своей культуры и образа жизни.

- 6 Национально-Трудовой Союз Нового Поколения... С. 119.
- 7 Там же. С. 91.
- 8 Там же. С. 119.
- 9 Там же. С. 89, 93.
- 10 Там же. С. 12.
- 11 Там же. С. 152.
- 12 Там же. С. 154. В этой области идейных утверждений позиции лидеров НТС НП совпадали со взглядами П. Б. Струве, который ещё в 1927 г. выражал критическое отношение к фашизму (См.: *Струве П. Б.* Фашизм и социализм // *Возрождение*. 1927. 15 апр.).
- 13 Национально-Трудовой Союз Нового Поколения... С. 109.
- 14 Весьма жёстко авторы «Зелёных романов» оценивали итоги политической демократии в России после крушения монархии в 1917 году: «Если говорить о политической демократии, о правительстве крикунов,

адвокатов, профессоров, втиравших очки народу, то век демократии умер вместе с Милюковым» (Национально-Трудовой Союз Нового Поколения... С. 155).

- 15 Там же. С. 11.
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 Там же. С. 15.
- 19 Там же. С. 8.
- 20 Там же. С. 110.
- 21 Там же. С. 98, 101.
- 22 Там же. С. 110.
- 23 Там же.
- 24 Важной чертой посткоммунистического будущего страны должна стать, по мысли солидаристов, так называемая «российскость». Она предполагала гармоничное сочетание, содружество равноправных народов бывшей Российской империи.
- 25 Национально-Трудовой Союз Нового Поколения... С. 115.
- 26 Там же. С. 15.
- 27 См.: *Уайт А.* Русская политика самосохранения. Мюнхен, 1961. С. 12, 31, 53, 100.
- 28 Там же. С. 66.

УДК 329.059470+571

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА НА ЗАПАДЕ И В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

А. В. Головченко

Саратовский государственный университет
E-mail: golovchenkoav@mail.ru

В статье предложено авторское понимание использования понятия «инверсия» для анализа структурных изменений либерализма, влекущих за собой новые качества этого сложного и многозначного явления, новые порядки и результаты его функционирования. Выявлены принципиальные отличия алгоритма инверсии либерализма в западноевропейских странах и в постсоветской России.

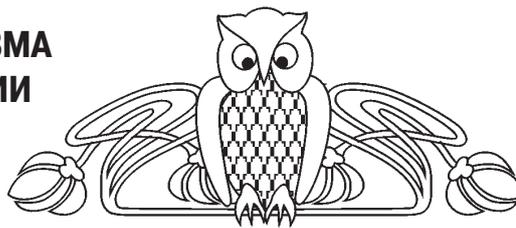
Ключевые слова: инверсия, политическая инверсия, либерализм, динамика инверсии, либеральные партии.

Political Inversion of Liberalism in the West and Post-soviet Russia

A. V. Golovchenko

The author offers his own conception of using the term of an inversion for analysis of structural changes of liberalism entailing new features of this complicated and multi-semantic phenomenon, new ways and results of its functioning. Core differences in algorithms of inversion of liberalism in the West countries and post-soviet Russia are pinpointed in this article.

Key words: inversion, political inversion, liberalism, dynamic of inversion, liberal parties.

Одна из важнейших теоретических проблем политической науки и обществоведения в целом состоит в том, что возникшие и оформленные единожды идейные концепты в ходе своего дальнейшего развития приобретают самые различные с точки зрения содержания и оформления (иногда очень причудливые) очертания. Так, например, произошло с понятием «демократия», которое за две с половиной тысячи лет своего существования наполнялось различным смыслом и до сих пор вызывает бурные дискуссии у сторонников разных его толкований. Так произошло с понятием «политическая элита», которое в современных условиях приобретает совершенно иной смысл, чем это было у Платона, Аристотеля и Конфуция. Так произошло и с концептом «либерализм», который за время своего существования проделал очень сложный путь внутренних трансформаций и смысловых аберраций. Как представляется, для анализа таких онтологических изменений политических концептов целесообразно использовать понятие «инверсия». Его активно используют в своих научных исследованиях биологи, физики,

химики, геологи, медики, психологи, лингвисты для обозначения структурных изменений в системах, влекущих за собой принципиально новые качества этой системы, принципиально новые порядки и результаты ее функционирования.

В социальных и гуманитарных науках понятие «инверсия» используется реже. В гуманитарных науках устойчиво преобладают качественные методы проведения исследований, что само по себе создает условия для манипуляций смыслами теоретических понятий в рамках традиционных для научного дискурса формулировок. В значительной мере прогресс научной теории становится заметным в гуманитарном знании именно тогда, когда в научном дискурсе происходят такого рода манипуляции. Большинство их не приводит к практическим подвижкам в научной теории, но порой уточнение смысла привычных понятий действительно позволяет создать в научном пространстве новые предметные поля. Кроме того, значительная часть семантических значений понятия «инверсия» в сфере политике связана с достаточно утрированными трактовками-«перевертышками» (с противоположно направленными смыслами): «великий перелом» (в двусмысленном значении), «перестройка» («катастрофка»), «демократия» («дерьмократия»)¹. Этот ряд можно было бы продолжить, используя безбрежное информационное поле конкурентной борьбы представителей различных политических сил друг с другом, не последнее место в которой занимает поиск «удачных» запоминающихся образных ярлыков для наклеивания на своих противников.

Саратовские исследователи предложили использовать данное понятие для научного изучения фактов переворачивания смыслов исторических явлений, взаимообратимости и «двойничества» этих смыслов как факторов социокультурного развития. По их мнению, наукообразие данного термина имеет определенный смысл. «Слова “инверсия”, “инверсионная логика” подчеркивают закономерную природу данных явлений, маркируют собственно научное пространство его изучения, помогают преодолеть дихотомический, избыточно ценностный подход к процессам модернизации (оценка модернизации и самобытности в полярно противоположных координатах: ценность – антиценность)»². На наш взгляд, понятие «инверсия» позволяет сделать акцент не столько на закономерностях природы переворачивания смыслов исторических явлений, сколько на конкретной совокупности внешних и внутренних причин и факторов таких aberrаций (понимаемых как отклонение от устоявшейся или обоснованной прежде нормы). В этом случае инверсия политических концептов может быть объяснена не только внутренней логикой, но и воздействием разнообразных внутренних и внешних обстоятельств, которые формально не вписываются в данную логику, нарушают ее либо обосновывают новую логику.

В качестве примера алгоритма такой «алогичной» инверсии хорошо подходит пример либерализма. Возникнув в начале Нового времени как довольно размытый идеал, как своего рода европейско-североамериканская социальная «мечта» о справедливом социально-политическом и социально-экономическом устройстве, либерализм превратился вначале в инструмент разрушения сложившихся и функционировавших на протяжении столетий политических и социально-экономических институтов; затем в партийно-идеологические программы для воплощения в политическую практику; затем эволюция данной практики от концепта «государство – ночной сторож» до современных многовариантных своих проявлений: от концепции социального государства и до либертарианской концепции. Либеральная идея так успешно обеспечивала все повороты политической жизни буржуазных обществ, что стала их базовой политической традицией. Хотя, вероятно, можно прогнозировать, что нынешнее «традиционное» качество либерализма не станет последним этапом его инверсий: как и всякая традиция, он неизбежно будет подвергнут критике (симптомы чего наблюдаются уже сегодня) и породит новую социальную мечту, возможно, антилиберальную или постлиберальную. Такого рода обозначения, примененные нами, как раз показывают естественность изменений формы и смысла понятий вслед за изменением их роли в научном дискурсе.

Динамика этой инверсии была рассредоточена по времени на протяжении более двух столетий. Несмотря на дискретность процесса в результате сочетания периодов революционных импульсов, контрреволюционных откатов и реформаторских преобразований, она сопровождалась определенными социокультурными, социально-политическими и социально-экономическими позитивными сдвигами, которые затронули интересы большинства населения. Причина видится в том, что исторические инверсии европейского и американского либерализма вполне коррелировали с такого же масштаба подвижками в неполитических практиках цивилизованных социумов, с тем, как накапливались ресурсы буржуазной цивилизации. Либерализм в этом смысле как система политических и отчасти неполитических (морально-этических) принципов социального и государственного общежития не был для европейцев и североамериканцев существенным обременением их исторически сложившихся стратегий развития. Он как бы продолжил дело авторитаризма в Старом Свете. Фактически либерализм выступил для западных обществ не только как инструмент критики существовавших традиционных систем, но и как средство их усовершенствования, основанное на рациональных свойствах человеческой природы, как инструмент социального прогресса. Это обеспечило его вживляемость в ткань «западного» политического процесса.

В постсоветской России, напротив, инверсия либерализма оказалась впрессована в сверхжесткий промежуток времени³, став одновременно ключевой первопричиной регресса в социально-экономическом развитии страны, огромных потерь экономических, культурных и социальных ресурсов. Соответственно, и осуществлялась она в условиях резкого падения уровня жизни большинства российского населения. Поэтому алгоритм, динамика и результаты такой «алогичной» инверсии либерализма оказались совершенно иными, чем на Западе.

На Западе период распространения либерализма как «мечты» занял достаточно большой промежуток времени, оказывая воздействие вначале на научное сообщество, а затем, с помощью публицистов и практикующих политиков, постепенно завоевывая сторонников среди различных слоев населения и, соответственно, свое место в партийном и политическом пространстве. В России распространение либерализма как «счастливого образа будущего» началось после прихода к власти разномастных сторонников демократизации сложившейся в СССР социально-политической и социально-экономической системы. Критика ее недостатков со стороны и самого М. С. Горбачева⁴ как инициатора перестройки, и большинства его противников осуществлялась на идеологической основе различных вариантов демократического социализма, а отнюдь не либерализма. Причем апелляция и тех, и других была к марксистско-ленинским концептам социалистической теории, а не к трудам либералов. Например, М. С. Горбачев постоянно подчеркивал, что цель перестройки состоит в том, чтобы «теоретически и практически полностью восстановить ленинскую концепцию социализма...»⁵. Его будущий политический оппонент Б. Н. Ельцин, характеризуя общую логику имевшего место политического и теоретического поиска в начале перестройки, также публично подтверждал что «подготовка к XXVII съезду, его работа идет как бы по ленинским конспектам...»⁶.

Впоследствии данная единая исходная критическая позиция развивалась на основе все более отчетливо проявлявшейся дивергенции. М. С. Горбачев и его сторонники как инициаторы перестройки изначально стремились подвести теоретическую базу преобразований, непротиворечивую в своих основаниях ключевым идеям социализма, в сторону «социализма с человеческим лицом», чтобы процесс политических и социально-экономических преобразований имел изначально непротиворечивый концептуальный и идеологический посыл к развитию.

Трансформация демократического вектора критики существовавшей социалистической системы шла не по пути укрепления и расширения либеральной аргументации (она активизировалась лишь в отношении достаточно узкой группы интеллигенции), а в направлении формирования

эмоционально-интуитивного недовольства ее очевидными недостатками и пороками, которые все сильнее проявлялись в данный период. В обществе для большинства населения разжигались настроения по типу, что «надо что-то делать, так больше жить нельзя». Об этом снимали фильмы (например, нашумевший художественно-документальный 115 минутный фильм С. Говорухина 1990 г. так и назывался «Так жить нельзя»), об этом писали статьи и книги ученые и публицисты⁷. Уже по прошествии нескольких лет многие активные участники перестроечных событий признавали особенность этой субъективной подоплеки политического выбора, совершенного обществом, подчеркивая, что : «у нас не было отчетливого осознания осуществляемых нами самими перемен»⁸. Об этом же писал в свое время известный российский социолог Ю. А. Левада: «Возвращаясь к оценкам перестройки в общественном мнении приходится признать, что состояние последнего сейчас исключает не только исторически справедливую, но хотя бы более или менее взвешенную оценку перелома»⁹.

Такая эмоциональная негативно-критическая основа массовых настроений в начале периода радикальных демократических преобразований после разрушения СССР привела к тому, что осознанное понимание сути внедряемых либеральных основ политической и социально-экономической жизни российского общества отсутствовало не только у большинства населения, но и у значительной части демократической интеллигенции, которая в перестроечные годы и была главным субъектом внедрения психологической установки «так жить нельзя». В результате в алгоритме инверсии либерализма в постсоветской России изначально произошла деформация этапа «мечты»¹⁰ и процесса ее внедрения в массовое сознание. «Прагматически и реформаторски ориентированный» российский новый либерализм, соответственно, был лишен сколько-нибудь масштабной социальной базы в силу отсутствия дееспособного субъекта его распространения. Он был заимствован в качестве готового и апробированного на Западе образца идеальной модели общественно-политического устройства с расчетом на то, что рынок все расставит по своим местам, а новые собственники проявят эффективность в деле повышения конкурентоспособности российской экономики на мировом рынке. Такой российский алгоритм практического внедрения либерализма на неподготовленную российскую почву привел к тому, что он был дискредитирован изначально в сознании большинства российского населения. Обусловлено это было тем, что в качестве образца заимствована была модель двухсотлетней давности, без учета того, что в западных странах либерализм претерпел за этот период ту инверсию, которая превратила его в нечто, очень существенно отличающееся от изначального классического варианта¹¹.

Самое главное, что начальный период инверсии идеи либерализма одновременно был последней стадией инверсии идеи социализма. Большая часть населения СССР и впоследствии России свое недовольство существующими недостатками социалистического строя не связывала с либеральными ценностями и принципами, а рассчитывала на их устранение в рамках совершенствования существующей системы. Фактически немногочисленные либерально ориентированные политические силы, ведущие борьбу с М. С. Горбачевым, искусно маскировали свои цели в рамках формирования общего недовольства ухудшающимся положением населения в процессе перестройки. Используемый образ демократии и рынка как ориентиров столбовой дороги всего цивилизованного мира был очень аморфным и неконкретным и не мог привести к осознанному усвоению либеральных ценностей и принципов. В результате процесс преобразования «реального социализма» в «социализм с человеческим лицом» завершился формированием модели либерализма «дикого капитализма».

Иными словами, вместо периода «мечты» российские граждане получили «недопеределанную» модель либерализма, которая изначально была сформирована как алогичная инверсия существующих в демократических странах современных либеральных моделей. Это обстоятельство стало ключевым фактором, определившим дальнейшую эволюцию либерализма в России. Процедура партийной институализации данной идеологии фактически совпала по времени с процедурой воплощения ее принципов в политическую и социально-экономическую практику. В результате массового недовольства последствиями либеральных преобразований эта институализация правого сегмента российской многопартийности сама представляла собой постоянные инверсии переформатирования, переименований и перегруппировок, отягощенных к тому же личными амбициями и претензиями разных лидеров. Стремясь публично объяснить причины ослабления своих политических позиций, лидеры праволиберальных партий стремились переложить друг на друга ответственность за отторжение в обществе либеральных ценностей. Одни (например сторонники Е. Т. Гайдара) утверждали, что им не дали довести до конца необходимые либеральные реформы во всех сферах жизни общества. Другие (сторонники Г. А. Явлинского) обвиняли радикальных реформаторов в том, что они выбрали либеральную модель, абсолютно не соответствующую потребностям и возможностям России. Главным результатом данной инверсии стало вытеснение либеральных партий на политическую периферию российской многопартийности и их превращение в маргинальные политические силы.

Однако инверсия либерализма как идеи, как «мечты» в российской политической жизни на

этом не закончилась. Обусловлено это, прежде всего, тем, что многие либеральные ценности закрепились в качестве базовых норм в Конституции РФ, а также включены в уставы и программы большинства ведущих политических партий современной России (включая «Единую Россию»). Кроме того, нужно учитывать, что в политическую жизнь приходят новые поколения российских граждан, не отягощенных личными впечатлениями от негативного опыта внедрения либеральной модели 1990-х гг. Для них либерализм как «мечта» воспринимается не только в качестве варианта целенаправленной государственной политической социализации, но и в результате свободного доступа к различным источникам информации, особенно в мировой сети Интернет, где ценности либерализма занимают одно из ведущих мест и приоритетных направлений распространения.

Появление новых политических партий и лидеров, открыто ориентирующихся на либеральную идеологию, означает, что эволюция либерализма в современной России вступает в новую фазу, которую можно определить как контринверсию, как возвращение к процессу внедрения в массовое сознание в том виде, который неизбежно будет более адекватным современной российской ситуации и современным западноевропейским моделям. Насколько масштабной окажется социальная востребованность либерализма, насколько прочные позиции займут новые партии и их лидеры, покажет время. Но уже в ближайшем электоральном цикле данные партии заявят о себе и попытаются освободиться от того груза тяжелых последствий 1990-х гг., который достался им в наследство.

Примечания

- 1 См.: Проблема социокультурных инверсий : сб. науч. тр. Саратов, 1997. С. 5.
- 2 Там же.
- 3 Дореволюционное развитие либерализма в России представляется самодостаточной темой для анализа, в том числе и с точки зрения его инверсионного (заимствованного и интерпретированного) понимания. Однако советский период разорвал преемственность развития либерализма во всех его смыслах – в идейном, концептуальном, идеологическом, ценностном и партийном измерениях. Поэтому возрождение и институализация всех этих либеральных смыслов в период перестройки реально оказались оторванными от дореволюционного опыта. Хотя попытки восстановления формальной преемственности и осуществлялись на уровне заимствования идей и символов (например, попытки возрождения партии конституционных демократов), но результативность их была крайне невысокой именно в силу всеобъемлющего разрыва социалистической системы с дореволюционными традициями.
- 4 См.: КПСС о перестройке : сб. документов / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М., 1988.

- ⁵ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка : революция продолжается. Доклад на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском Дворце съездов 2 ноября 1987 года. М., 1987. С. 31.
- ⁶ XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля – 6 марта 1986 года. Стенографический отчет : в 3 т. М., 1986. Т. 1. С. 140, 205–231.
- ⁷ См., например : Красин Ю. А. Перестройка в контексте российской реформации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2005. № 5. С. 34.
- ⁸ Цинко А. Русский XXI век : грядущее, которое нам не дано увидеть // Вестн. аналитики. 2006. № 3 (25). С. 211.
- ⁹ Левада Ю. А. Неюбилейные размышления о перестройке // Общественные науки и современность. 2005. № 6. С. 22.
- ¹⁰ Конфигурация этой деформации представляет собой самостоятельный перспективный предмет политического исследования.
- ¹¹ См.: Кирьянов И. К. Провал премьеры либеральной пьесы : первый опыт российского транзита // Полис. 2005. № 5. С. 118–131.

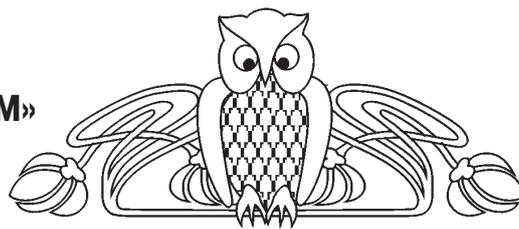
СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК 323.26

НАУЧНЫЙ КОНЦЕПТ «УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРОТЕСТОМ»

А. А. Касович

Саратовский государственный университет
E-mail: Kasovitch@gmail.com

В статье предлагается научный концепт «управление политическим протестом». Автор доказывает, что успешный массовый политический протест обязательно должен быть технологичен.

Ключевые слова: управление, политический протест, технологии.

The Scientific Concept «Management of Political Protest»

A. A. Kasovich

In this article the scientific concept «Management of political protest» is represented. Author argues that the successful mass political protest must be practically feasible in any case.

Key words: management, political protest, technology.

Политический протест, по определению А. И. Соловьева, представляет собой разновидность негативного воздействия индивида (или группы) на сложившуюся в обществе политическую ситуацию или конкретные действия властей, затрагивающие его¹. Также, по мнению исследователя С. В. Позднякова, политический протест может существовать в виде внутреннего неприятия гражданина или общества в целом политической системы или конкретных ее проявлений². Однако с данной точкой зрения сложно согласиться, так как само слово «протест» предполагает активное действие индивида по устранению причины его недовольства, но никак не его внутреннее ощущение. Что же заставляет индивида или группы выражать свой протест против действий властей? И каким образом органы власти должны реагировать на акции протеста?

Количество акций протеста в государстве в целом и отдельном его регионе – это важные показатели для анализа внутривнутриполитической

ситуации, потому ответы на вышеуказанные вопросы интересуют не только ученых-политологов, но и государственные структуры, в том числе правоохранительные органы. В 2012 г. старший научный сотрудник НИИ Академии ФСО России Г. В. Баранова предложила научному сообществу свою концептуальную модель анализа протестной активности. Основываясь на проведенных ранее в Ростовской области исследованиях, Галина Васильевна составила математическую формулу для прогноза численности акций протеста в зависимости от уровня социальной напряженности³.

Хотя мы не считаем возможным оспаривать предложенную формулу, изучение общественно-политической ситуации в Саратовской области в 2012 г. показывает, что причины роста протестной активности не соотносятся с увеличением недовольства населения социально-экономическими проблемами. В данный период в регионе пиковые значения протестной активности пришлись на февраль, май и ноябрь. В это время численность оппозиционных мероприятий была значительно выше, чем в среднем за год. В феврале 2012 г. массовость акций протеста объясняется агитационной кампанией перед выборами Президента Российской Федерации; в мае – значительным количеством акций, приуроченных ко Дню международной солидарности трудящихся, в которых приняли участие практически все оппозиционные организации; а в ноябре прошли мероприятия, посвященные Дню народного единства и 95-й годовщине со дня Октябрьской революции. Кроме того, установлено, что большинство протестных мероприятий в Саратовской области в 2012 г. организовано в рамках Всероссийских акций протеста